

«ЗОМИЯ» КАК МОДЕЛЬ НЕЗАПАДНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

Максим Владимирович Харкевич

*Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Москва, Россия*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Заявлено к публикации:</i> 23 марта 2019</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 23 октября 2019</p> <p><i>Принята к печати:</i> 1 декабря 2019</p>	<p>Аннотация: Различные формы государственной власти связаны с различными формами сопротивления. В данной статье утверждается, что существует не только западная или незападная формы государственной власти, но и соответствующие им западная и незападная формы политического сопротивления. Методологически статья основывается на семантико-прагматическом подходе к формированию концепций. В данной статье уточняется концепция «незападного политического сопротивления». Сначала семантика этого понятия определяется через обзор релевантной научной литературы, а именно работ М. Фуко, М. Манна, И. Нойманна и Ю. Хабермаса, а затем с помощью кейс-стади Зомии как незападной формы сопротивления. В результате проведенного концептуального исследования можно сделать следующие выводы. Западные формы государственной власти основаны на правительственности или инфраструктурной власти. Такие методы управления порождают соответствующие им западные стратегии политического сопротивления, основанные на делиберативной форме демократии как наиболее близкой к демократии, основанной на коммуникативной рациональности. Под западными формами государственной власти понимаются практики управления, основанные на дисциплинарной или деспотической власти. Они порождают соответствующие им формы западного сопротивления, включающие в себя либо стремление физически удалиться от государственного контроля в географически труднодоступные районы (Зомия), либо протестное сопротивление вплоть до повстанческих войн и терроризма.</p>
<p>Об авторе: к.полит.н., доцент, доцент кафедры мировых политических процессов, МГИМО МИД России</p> <p>e-mail: m.kharkevich@inno.mgimo.ru</p>	
<p>Ключевые слова: правительственность; инфраструктурная власть; дисциплинарная власть; Юго-Восточная Азия; Россия; Запад; незапад</p>	

Государственная власть неизбежно порождает политическое сопротивление со стороны населения. Доминирование всегда встречает сопротивление в рамках политического взаимодействия¹. Сопротивление отсутствует только в том случае, когда одна из сторон взаимодействия сведена к биологической жизни («голой жизни»), что происходит к концентрационных лагерях, во временных тюрьмах для мигрантов и т.п.² Но такое взаимодействие нельзя называть политическим. Различные формы государствен-

ной власти связаны с различными формами сопротивления. В данной статье утверждается, что существует не только западная или незападная формы государственной власти, но и соответствующие им западная и незападная формы политического сопротивления. Если вопрос о западной/незападной государственной власти обсуждается в политической литературе относительно широко, то проблематика западного/незападного политического сопротивления остается без особого внимания.

Политическое сопротивление со стороны гражданского общества сегодня как никогда масштабное и принимает разнообразные формы по всему миру, от США,

¹ Scott, J.C. *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. Yale University Press, 1990.

² Agamben, G. *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*. Stanford University Press, 1998.

Ближнего Востока до Гонконга³. Есть как минимум два широко обсуждаемых объяснения возросшей протестной активности. Ф. Фукуяма⁴ доказывает, что современный политический процесс определяется в большей степени соображениями борьбы социальных групп за признание их достоинства, их идентичности, чем соображениями материальной выгоды, как это было начиная с эпохи буржуазных революций по наши дни. На смену политики интересов пришла политика ресентимента, а последняя гораздо более конфликтная, чем первая. Дж. Стиглиц, с другой стороны, показывает, что при переходе от индустриальной к информационной экономике в условиях глобализации в выигрыше оказываются только 1% населения даже в самых развитых странах, у всех остальных реальный доход не растет уже третье десятилетие подряд, что приводит к увеличению неравенства и росту недовольства большинства⁵.

Проблема политического сопротивления сегодня крайне актуальна и заслуживает особого внимания. В данной статье рассматривается, по каким критериям можно разделить западную и незападную форму политического сопротивления и в качестве примера последней рассматривается кейс «Зомии» – условное название высокогорья в Юго-Восточной Азии, население которой якобы добровольно отказалось от государственности и целенаправленно избегает её, удалившись в труднодоступные районы, что интерпретируется Дж. Скоттом, известным современным антропологом и исследователем анархизма, как форма политического сопротивления⁶.

Методологически статья основывается на семантическо-прагматическом подходе

к формированию концепций. Этот подход часто связывают с традицией к построению новых концепций, заложенной Сартром и Кольером, в основе которой находится скорее качественная методология, нежели количественная. Концепция формируется не с помощью точных измерений, а посредством уточнения её смысла через перебор и сравнение различных вариантов её использования в научной литературе⁷, а также с помощью метода кейс-стади⁸. Причём руководящим принципом такого семантического уточнения анализируемой концепции должен служить прагматизм. Концепция должна служить задачам и целям исследования, в котором она будет использоваться. В данной статье уточняется концепция «незападного политического сопротивления». Сначала семантика этого понятия определяется через обзор релевантной научной литературы, а именно работ М. Фуко, М. Манна, И. Нойманна и Ю. Хабермаса, а затем с помощью кейс-стади Зомии как западной формы сопротивления. М. Фуко, М. Манн и И. Нойманн описывают западную форму государственного управления с помощью понятий «правительственность» (*governmentality*) и «инфраструктурная власть», а незападную, оставшуюся в доиндустриальном прошлом Запада, через понятия «деспотическая» и «дисциплинарная власть». Западной формой сопротивления против правительственности и инфраструктурной власти можно рассматривать «демократию» в ее концептуализации Ю. Хабермасом как коммуникативную практику, основанную на коммуникативной рациональности, противоположной по отношению к инструментальной рациональности, определяющей логику развития капитализма, правительственности и инфраструктурной власти. Незападная форма политического сопротивления тогда должна иметь своим объектом власть деспотиче-

³ Castells, M. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. John Wiley & Sons, 2015.

⁴ Fukuyama, F. *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. Farrar, Straus and Giroux, 2018.

⁵ Stiglitz, J.E. *The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future*. WW Norton & Company, 2012.

⁶ Scott, J.C. *The Art of not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. Nus Press, 2010.

⁷ Bevir, M.; Kedar, A. *Concept Formation in Political Science: an Anti-Naturalist Critique of Qualitative Methodology // Perspectives on Politics*, 2008, No. 6, pp. 503-517; Goertz, G. *Social Science Concepts: A User's Guide*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006.

⁸ Gerring, J. *Social Science Methodology: A Criterial Framework*. New York: Cambridge University Press, 2001.

скую и дисциплинарную и выражаться не в переговорах с государством (как в случае с демократией), а в различных способах ухода от государства, как в случае с Зомией, либо в насильственных формах сопротивления, таких как бунты, революции, терроризм, гражданские войны и т.п.

Западная и незападная рациональность государственного управления

Вопрос о демаркации «западного» и «незападного» в политической сфере часто сводится к противопоставлению «современного» и «традиционного», хотя Ш. Айзенштадт показал, что модерн не следует отождествлять с Западом, несмотря на то что это его родина⁹. В каждой культуре и цивилизации есть свой модерн, который формируется как результат общественных дискуссий на местах о значении понятия «современность». Как правило такие обсуждения сопровождалась революциями, от Великой Французской до Великой Русской. А. Арентд доказывала, что революции Нового времени – это неудачные попытки восстановить римскую политическую форму как эталон западной политической традиции и источник западного политического авторитета. «Если я права в своем подозрении, – пишет Х. Арентд, – что кризис нынешнего мира – это в первую очередь политический кризис, а знаменитый «закат Запада» прежде всего заключается в том, что рушится римское триединство религии, традиции и авторитета и попутно подтачиваются специфически римские основы политического пространства, тогда революции Нового времени представляются титаническими попытками реставрировать эти основы, восстановить порванную нить традиции и, основав новые политические организмы, воскресить то, что столь долгие века в известной мере придавало человеческим делам достоинство и величие»¹⁰.

⁹ Eisenstadt, Sh. Multiple Modernities // *Daedalus*, 2000, No. 1, pp. 1-29.

¹⁰ Арентд Х. Что такое авторитет? / Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 213. [Arendt, H. Chto takoye avtoritet?

Несмотря на то, что попытки реставрации римского триединства в итоге оказались неудачными, «новые политические организмы» все же появились в форме современных национальных территориальных государств¹¹. От своих средневековых предшественников они отличались не только по форме, но и по способу управления. И если политическая форма западных государств Нового времени была глобализирована в процессе деколонизации во второй половине XX века и её уже невозможно сейчас рассматривать как признак Запада, то новый способ управления продолжает оставаться эксклюзивным для Запада и небольшого количества незападных стран, в которых сложилось «полицейское государство». Фуко называет его либеральным способом, который предполагает управление через гражданское общество, а М. Манн называет «инфраструктурной властью». В данном случае не следует ставить знак равенства между либерализмом как идеологией и либеральным подходом к управлению. Чтобы не впасть в возможное заблуждение, для описания этого нового, специфически западного способа управления будем использовать понятия «правительственности» и «инфраструктурной власти».

М. Фуко показал в своих исторических исследованиях, как в период с XVI по XVII век в европейских государствах происходит трансформация подходов к государственному управлению, предметом управления становится не территория, как до этого, а население; инструментом управления – не «дисциплинарная власть», а «правительственность» (*governmentality*)¹². Майкл

(What is Authority?) / Between Past and Future. Eight Exercises in Political Thought. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2014.]

¹¹ Каспэ С.И. Центры и иерархии. Пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М.: Московская школа политических исследований, 2008. [Kaspe, S.I. Tsentry i iyerarkhii. Prostranstvennyye metafory vlasti i zapadnaya politicheskaya forma (Centers and Hierarchies. Spatial Metaphors of Power and the Western Political Form). Moscow: Moscow School of Political Studies, 2008.]

¹² Фуко М. Рождение биополитики. М.: Наука, 2010. [Foucault, M. Rozhdeniye biopolitiki (Birth of Biopolitics). Moscow: Science Publ., 2010.]

Манн так же показывает в своих историко-социологических исследованиях, что с приходом индустриальной эпохи в Европе правительства начинают все больше действовать не «деспотическую», а так называемую «инфраструктурную» власть¹³. Инфраструктурная власть состоит в контроле не над, а с помощью и через гражданское общество, таким образом проникая в него, извлекая и координируя его ресурсы. Инфраструктурная власть государства предполагает необходимость постоянно договариваться с гражданским обществом, так как реализуется она с согласия и при активном участии последнего. Деспотическая власть основана на распределительной логике, а инфраструктурная – на логике сотрудничества. «Инфраструктурная власть, – пишет М. Манн, – это институциональная способность централизованного государства (неважно деспотического или нет) пронизывать свою территорию и логистически реализовывать свои решения. Это коллективная власть, «власть через» общество, координация общественной жизни через государственную инфраструктуру. <...> Инфраструктурная власть – это улица с двусторонним движением: она также позволяет организациям гражданского общества контролировать государство. Увеличение инфраструктурной власти не обязательно увеличивает или уменьшает распределительную, деспотическую силу государства. Однако эффективная инфраструктурная сила повышает коллективную государственную власть»¹⁴.

С XVI-XVII вв. «инфраструктурная» власть или «правительственность» становятся отличительной характеристикой именно европейской или западной модели управления и социально-политической трансформации. Согласно М. Фуко, ключевой техникой осуществления правительственности в то время становится полиция. Сегодня под полицией понимается совсем иное, чем в ранее Новое время. С XVII в. «полицией» начинают называть «совокупность средств, которыми можно способствовать росту сил

государства, поддерживая строй этого государства. Полиция – это расчёт и техника, позволяющие установить мобильное, но, несмотря на это, стабильное и контролируемое отношение между порядком в государстве и ростом его сил... Проблема полиции – как, полностью сохраняя порядок в государстве, сделать так, чтобы его силы максимально росли»¹⁵.

М. Фуко увязывает полицию с европейской системой баланса сил. Если задача полиции – рост сил государств и поддержания порядка в нем, то задача европейской системы баланса сил – обеспечивать равновесие между государствами при росте их сил. «В результате, – пишет М. Фуко, – мы подходим к следствию, в каком-то отношении парадоксальному и противоречивому, которое заключается в следующем: но в конечном счёте, если в европейском равновесии имеется одно государство, даже не моё собственное, которое, как оказывается, имеет дурную полицию, то перед нами феномен нарушения равновесия. И следовательно, необходимо заботиться о том, чтобы даже у других полиция была хорошей. Европейское равновесие начинает, следовательно, функционировать как в какой-то мере межгосударственная полиция или как право. Европейское равновесие даст право совокупности государств заботиться о том, чтобы полиция была хорошей в каждом из государств. Именно такой вывод и будет сделан явным систематическим образом, будет сформулирован в 1815 году в Венском договоре и в политике Священного Союза»¹⁶.

На основе данного наблюдения М. Фуко Ивер Нойманн делает вывод, что для того, чтобы обладать признанным статусом великой державы в составе европейской системы международных отношений необходимо было стать «полицейским государством» и осуществлять свою власть опосредованно,

¹³ Mann, M. The Sources of Social Power: The Rise of Classes and Nation-States, 1760-1914. Vol. 2. Cambridge University Press, 2012.

¹⁴ Ibid. P. 59.

¹⁵ Фуко М. Безопасность, территория, население. Лекция 29 марта 1978 года. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/articles/6693/6705> [Foucault, M. Bezopasnost', territoriya, naseleniye. Lektsiya 29 marta 1978 goda (Security, Territory, Population. Lecture on March 29, 1978). Mode of access: <https://gtmarket.ru/library/articles/6693/6705>]

¹⁶ Ibid.

через и посредством гражданского общества. Поэтому, в частности, Россия, в которой полицейское государство не сложилось, испытывала и продолжает испытывать проблемы с признанием своего статуса великой державы. «Новая рациональность управления, которую Фуко называет государственностью, с самого начала представляла проблему для России, – пишет И. Нойманн. – Во-первых, это была рациональность, отличная от той, которая основана на суверенитете, и, следовательно, представляла ему потенциальную угрозу. Во-вторых, условием для того, чтобы государство могло использовать эту рациональность, была способность государства распоряжаться различными ресурсами. Российское государство, чья система управления была менее эффективной, чем система (других) европейских государств XVII и XVIII века, находилось в относительно невыгодном положении»¹⁷. И. Нойманн делает вывод, что пока рациональность государственного управления в России не придет в соответствие с современными гегемонистскими неолиберальными моделями и продолжит основываться на прямом, а не косвенном управлении, Запад не признает Россию в качестве полноценной великой державы.

Западная и незападная формы политического сопротивления

Все перечисленные выше государственные формы власти порождают соответствующие им формы сопротивления со стороны гражданского общества. Правительственность и инфраструктурная сила государства неизбежно вынуждают правительства вступать в переговоры со своим гражданским обществом, которое, в связи с этим, приобретает возможность ограничивать власть государства и преследовать свои интересы. Однако усиление инфраструктурной власти государства и развитие капитализма постепенно сокращают так называемое пространство «жизненного мира», где обитает гражданское общество. «Тезис внутренней колонизации гласит, – пи-

шет Ю. Хабермас, – что подсистемы экономики и государства становятся все более и более сложными в результате капиталистического роста и все глубже проникают в символическое воспроизведение жизненного мира»¹⁸. Внутренней колонизации Ю. Хабермас противопоставляет коммуникативную рациональность и основанную на ней теорию демократии¹⁹. «Хоркхаймер и Адорно, – отмечает Ю. Хабермас, – не смогли осознать коммуникативную рациональность жизненного мира, которая должна была развиться из рационализации мировоззрений, прежде чем вообще могло быть какое-либо развитие формально организованных областей действия. Только эта коммуникативная рациональность, отраженная в понимании современности, придает внутреннюю логику – а не просто бессильную природную ярость восстания – сопротивление против колонизации жизненного мира внутренними динамическими автономными системами»²⁰. Таким образом, демократия может рассматриваться как западный способ политического сопротивления инфраструктурной власти и правительственности.

«Бессильная ярость восстания» возникает, когда государство остается безучастным к требованиям общества или не заинтересованно вступать с ним в переговоры. Тогда общественные движения начинают заявлять свой протест в различных формах, в том числе иногда и с использованием насилия, или выбирают стратегию ухода. М. Кастельс дает хорошее описание современным протестным движениям, распространившимся по всей планете²¹. М. Хардт и А. Негри в своем труде «Империя» трактуют колониальную практику и национально-

¹⁷ Neumann, I.B. Russia as a Great Power, 1815-2007 // *Journal of International Relations and Development*, 2008, No. 11(2), pp. 128-151.

¹⁸ Habermas, J. *The Theory of Communicative Action: Lifeworld and Systems, a Critique of Functionalist Reason*. Vol. 2. John Wiley & Sons, 2015. P. 367.

¹⁹ Habermas, J. *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. John Wiley & Sons, 2015.

²⁰ Habermas, J. *The Theory of Communicative Action: Lifeworld and Systems, a Critique of Functionalist Reason*. Vol. 2. John Wiley & Sons, 2015. P. 333.

²¹ Castells, M. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. John Wiley & Sons, 2015.

освободительные движения в странах третьего мира как пример дисциплинарной власти и сопротивления ей. Особое значение в этом контексте имела война во Вьетнаме. «Война была выражением желания свободы со стороны вьетнамцев, – пишут авторы, – выражением крестьянской и пролетарской субъектности – важнейшим примером сопротивления одновременно последним проявлениям империализма и международному дисциплинарному режиму. Война во Вьетнаме является подлинным поворотным моментом в истории капитализма наших дней, в том смысле, что вьетнамское сопротивление представляется символом целого ряда решительных выступлений по всему миру, которые до этого времени оставались изолированными и далекими друг от друга. Крестьянство, находящееся в зависимом от многонационального капитала положении, (пост)колониальный пролетариат, промышленный рабочий класс в ведущих капиталистических странах и новый слой пролетариата, занятый интеллектуальным трудом, во всем мире оказывались в рамках общей системы эксплуатации фабрикой-обществом приобретающего глобальный характер дисциплинарного режима. Различные выступления были направлены против одного общего врага: международного дисциплинарного порядка»²². Неомарксисты показывают, таким образом, что обсуждаемые нами виды власти (дисциплинарная, деспотическая, инфраструктурная, правительственность) могут иметь не только национальный, но и международный масштаб. И. Нойманн, например, публикует целую монографию о глобальном измерении правительственности²³.

Сопротивление дисциплинарной власти в активной форме протеста или пассивной форме ухода рассматривается в данной статье как западная форма сопротивления. Конечно, к такой форме могут обращаться и западные общества в борьбе за свои права,

²² Хардт М., Негри А. Империя. М.: Praxis, 2004. С. 245 [Hardt, M.; Negri, A. Imperiya (Empire). Moscow.: Praxis, 2004. P. 245.]

²³ Neumann, I.B.; Sending, O.J. Governing the Global Polity: Practice, Mentality, Rationality. University of Michigan Press, 2010.

если они считают, что правительства остаются безучастными к их проблемам. Примеров этому множество: от различных движений антиглобалистов до «желтых жилетов» во Франции. Это может свидетельствовать о кризисе репрезентативной демократии как институциональной основе переговоров между правительством и обществом (кейс «желтых жилетов»²⁴), либо об использовании правительствами или международными организациями дисциплинарной, деспотической власти (кейс противодействия кризису еврозоны²⁵). С. Джилл даже ввел в научный оборот понятие «дисциплинарного неолитерализма», который через глобализацию воздействует на все общества: и западные, и незападные²⁶.

Зомия как сопротивление

Понятие «Зомия» было предложено голландским географом Ван Шенделем в 2002 г. для описания высокогорья в Юго-Восточной Азии, где проживают более 100 млн человек не имеющих своего государства. Это пространство без государств, в связи с чем Ван Шендель утверждает, что оно часто становится жертвой картографов и оставалось невидимым для регионоведов. Ван Шендель пишет, что «любой, кто интересуется под-

²⁴ Обичкина Е.О. Социально-политический кризис во Франции: «желтые жилеты» и завершение «первой фазы» правления Э. Макрона // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 2(65). С. 101-135. [Obichkina, E.O. *Sotsial'no-politicheskiy krizis vo Frantsii: «zholytye zhiletty» i zaversheniye «pervoy fazy» pravleniya E. Makrona* [Socio-Political Crisis in FRANCE: «Yellow Vests» and the Completion of the «First Phase» of the Reign of E. Macron] // *MGIMO Review of International Relations*, 2019, No. 2 (65), pp. 101-135.]

²⁵ Gill, S. Transnational class formations, European crisis and the silent revolution // *Critical Sociology*, 2017, No. 43(4-5), pp. 635-651.

²⁶ Gill, S. Globalisation, Market Civilisation, and Disciplinary Neoliberalism // *Millennium – Journal of International Studies*, 1995, No. 3, pp. 399-423; Gill, S. European Governance and New Constitutionalism: Economic and Monetary Union and Alternatives to Disciplinary Neoliberalism in Europe // *New Political Economy*, 1998, No. 1, pp. 5-26.

робными современными картами региона, охватывающего Бирму, Северо-Восточную Индию, Бангладеш и прилегающие районы Китая, знает, что таких карт не существует... Карты Юго-Восточной Азии могут даже не включать северную и западную части Бирмы, не говоря уже о соседних областях Индии и Бангладеша. Карты Южной Азии нередко представляют Северо-Восточную Индию (и иногда Бангладеш) как неудобное отклонение. Отдельные кусочки Тибета и Юньнана могут появляться в дальних углах карт просто из-за необходимости заполнить прямоугольную форму карты»²⁷. (На карте, представленной в статье Ван Шенделя, этот регион изображается следующим образом – см. *Рис. 1*).

Рисунок 1

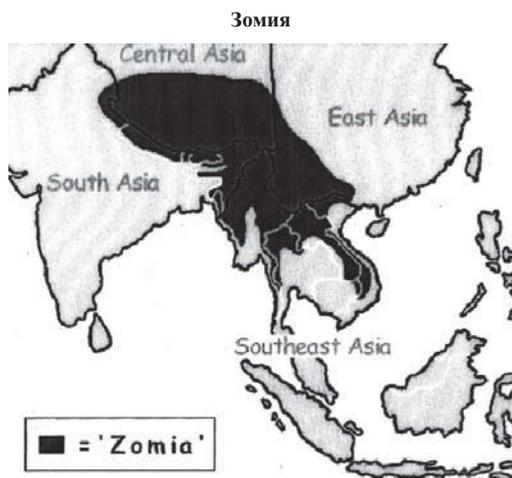

Рис. 1. Zomia

Термин «Зомия» происходит от слова «зоми», которое на местных языках мизо-куки-чин (ветвь тибето-бирманских языков) означает «гора». В прошлом Зомия была центром государственного строительства²⁸, но сегодня её главная политическая характеристика заключается в том, что она располагается на периферии

²⁷ Van Schendel, W. Geographies of Knowing, Geographies of Ignorance: Jumping Scale in Southeast Asia // *Environment and Planning D: Society and Space*, 2002, No. 20.6, p. 652.

²⁸ В этом регионе существовали, например, царство Наньжао на территории современной китайской провинции Юньнань, тибетские штаты, царство Ахом на территории современного индийского штата Ассам.

десяти государств и находится в их отношении в антагонистических отношениях. Это невидимое ни для политиков, ни для ученых-регионоведов транснациональное пространство, которая охватывает все четыре местных субрегиона (Юго-Восточная Азия, Восточная Азия, Центральная Азия и Южная Азия), не принадлежа ни к одному из них. Это территория, отличающаяся относительной малочисленностью населения, исторической изоляцией, политическим доминированием влиятельных соседних государств, и огромным лингвистическим и религиозным разнообразием. Этот регион никак не фигурировал в политическом противостоянии времен холодной войны, население этого региона целенаправленно избегало проектов национального строительства со стороны государств, расположенных в прилегающих долинах. С другой стороны, сами эти государства не рассматривали население Зомии как объект национального строительства. На всей территории Зомии прилегающие государства осуществляли политику насильственного переселения, запрещали местному населению вести сельское хозяйство, регистрировать земельную собственность, заниматься лесозаготовкой, охраной дикой природы, строительством плотин и обучением детей на национальных языках, что естественно привело к напряженности и усилению антагонизма.

В 2007 г., как отмечает Жан Мишо в своей редакционной статье, посвященной Зомии²⁹, после дискуссий с учеными западных Гималаев, которые отреагировали на статью от 2002 года, Ван Шендель расширил Зомию на запад и север, включив в неё южную часть китайских Цинхая и Синьцзяна, а также значительную часть Центральной Азии, охватывающую высокогорье Пакистана, Афганистана, Таджикистана и Кыргызстана (см. *Рис. 2*).

²⁹ Michaud, J. Editorial—Zomia and beyond // *Journal of Global History*, 2010, No. 2, pp. 187-214

Рисунок 2

Pic. 2. "Expansion" of Zomia

Ван Шендель описал Зомию с целью в первую очередь раскритиковать современную дисциплину регионоведения, которая, по его мнению, слишком государственноцентрична. Политическое содержание и широкую популярность этому понятию придал Дж. Скотт в своей монографии «Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии»³⁰.

Дж. Скотт доказывает, что Зомия является ярким примером ухода как формы сопротивления. Он подробно описывает стратегии, которые постепенно выработали горцы Азии, чтобы избежать и уходить от государственного контроля. В предисловии к своей монографии Дж. Скотт пишет, что «практически все в жизни населяющих эти зоны народов, включая социальную организацию, идеологию и в основном устную культуру, следует воспринимать как стратегические решения, принятые чтобы удержать государство на расстоянии. Территориальное расселение на пересеченной местности, мобильность, земледельческие практики, структуры родственных связей, подвижные этнические идентичности, приверженность харизматичным лидерам-пророкам были эффективными средствами избегания инкорпорирования в окружающие государственные образования и предотвращения появления аналогичных им институциональных струк-

³⁰ Scott, J.C. *The Art of not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. Nus Press, 2010.

тур. Конкретное государство, от которого бежало большинство этих народов, – ранняя китайская империя династии Хань. Истории о подобных бегствах зафиксированы во множестве легенд. Документальные источники, не вполне достоверные до 1500 года, позже хорошо описывают постоянные военные кампании против горных народов при китайских императорах династии Минь и Цинь, которые привели к беспрецедентным восстаниям на юго-западе Китая в середине XIX века, после чего миллионы жителей страны стали беглецами. Отток населения из бирманского и тайского государств, промышлявших работоторговлей, также подробно задокументирован»³¹. Самым спорным среди критиков Дж. Скотта является его утверждение, что горные народы Азии целенаправленно избегали письменной культуры, оставаясь в устной традиции, потому что это снижало вероятность их попадания под государственный контроль. Дж. Скотт подчеркивает особенности сельскохозяйственных практик горцев. Они, согласно его данным, старались возделывать только те культуры, плоды которых вызревают не над, а под землей. Это, как правило, корни и клубни различных растений. Причина заключается в том, что плоды, созревающие над землей, становятся легкой добычей государственных сборщиков налогов. В своем недавнем исследовании³² ранней государственности Дж. Скотт показывает, что все первые государства были зерновыми в том смысле, что они заставляли подконтрольное население специализироваться на выращивании зерновых культур, потому что зерно – идеальный налоговый продукт. Объем урожая легко оценить, объемы зерна легко масштабируются, и оно может долго храниться. Кроме того, поля со злаками можно

³¹ Скотт Дж. *Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии*. Режим доступа: <https://publications.hse.ru/books/211064105> [Scott, Dzh. *Iskusstvo byt' nepodvlastnym: Anarkhicheskaya istoriya vysokogorij Yugo-Vostochnoy Azii* (The Art of Subjugation: The Anarchist History of the Highlands of Southeast Asia). Mode of access: <https://publications.hse.ru/books/211064105>]

³² Scott, J.C. *Against the Grain: a Deep History of the Earliest States*. Yale University Press, 2017.

легко уничтожить, что ставит крестьян в особо уязвимое положение перед государством и не позволяет сопротивляться. Поэтому среди первых государств нельзя найти, скажем, «картофельное государство». Однако, если какое-то сообщество стремится целенаправленно уйти от государственного контроля, то выращивание картофеля или других подобных культур становится единственно правильной сельскохозяйственной стратегией.

Дж. Скотт отмечает, что уход от дисциплинарной власти на заре государственности был широко практикуемой стратегией. Жизнь в ранних государствах не была благоприятнее жизни вне государственных стен, скорее наоборот. Долгое время две формы общественных отношений – государственная и кочевая – сосуществовали и развивались взаимно конституируя друг друга. И. Нойманн показывает в своих исследованиях какое важное влияние оказывала «степь» на формирование государствоцентричной системы международных отношений³³. Кочевые племена и негосударственные сообщества были спутниками практически всех империй. В случае с российской империей таким спутником было казачество.

Со временем пространство негосударственности сужалось, превратившись в разрозненный архипелаг из редких островков, самым большим из которых стала Зомиа. Следует отметить, что наплыв и глобальное распространение государственности в мире происходило отнюдь неравномерно. Сформировались довольно обширные пространства со слабой и исчезающей государственностью³⁴. Авторы исследовательского проекта по изучению практик и институтов управления в зонах с ограниченной государственностью отмечают, что к их удивлению, эти зоны встречаются и на территории раз-

витых государств. Государственность – это не 0 или 1, а скорее континуум от полного отсутствия государственности (Зомиа), до максимального его присутствия (глобальные города).

* * *

В результате проведенного концептуального исследования можно сделать следующие выводы. Западные формы государственной власти основаны на правительственности или инфраструктурной власти. Такие методы управления порождают соответствующие им западные стратегии политического сопротивления, основанные на делиберативной форме демократии как наиболее близкой к демократии, основанной на коммуникативной рациональности. Под незападными формами государственной власти понимаются практики управления, основанные на дисциплинарной или деспотической власти. Они порождают соответствующие им формы незападного сопротивления, включающие в себя либо стремление физически удалиться от государственного контроля в географически труднодоступные районы (Зомиа), либо протестное сопротивление вплоть до повстанческих войн и терроризма.

Возможны и смешанные варианты, когда на западную форму правления дается незападный ответ. Например, уход от налогов в оффшоры, уход в «темный интернет», использование криптоканалов и криптовалюты для общения и расчетов. Такое поведение очень напоминает стратегии горцев Азии. Обратный вариант, когда на незападные формы властвования гражданское общество отвечает, стараясь развивать демократические институты и практики, тоже встречается. Это те случаи, когда демократизация развивается снизу, со стороны гражданского общества. Особенно такие случаи распространены сегодня в эпоху глобализации, когда нормы демократии, особенно электронной демократии, и примеры демократического сопротивления легко распространяются по планете через социальные сети и находят своих сторонников даже в незападных государствах. Люди стараются повлиять на власть и сменить её посредством избира-

³³ Neumann, I.B.; Wigen, E. *The Steppe Tradition in International Relations: Russians, Turks and European State Building 4000 BCE-2017 CE*. Cambridge University Press, 2018.

³⁴ Risse, Th. *Governance without a State?: Policies and Politics in Areas of Limited Statehood*. Columbia University Press, 2011; Börzel, T.A.; Risse, Th.; Draude, A. *The Oxford Handbook of Governance and Limited Statehood*. Oxford University Press, 2018.

Таблица 1

Соотношение форм государственной власти и форм политического сопротивления

	Западная форма государственной власти	Незападная форма государственной власти
	<i>правительственность/ инфраструктурная власть</i>	<i>дисциплинарная/ деспотическая власть</i>
Западная форма политического сопротивления	Делиберативная демократия	Электоральная демократия
Незападная форма политического сопротивления	оффшоры, крипто валюты и крипто мессенджеры, «глубокий интернет»	уход в труднодоступные районы (Зомия) или протестное сопротивление вплоть до вооруженного восстания

Table. 1 Correlation of forms of state power and forms of political resistance

тельных урн, через суды и прессу. Если такие меры не работают, тогда прибегают уже к западным формам сопротивления. Соотношение между рассмотренными формами государственного управления и политического сопротивления можно представить в виде обобщающей таблицы (см. Табл. 1).

Литература:

Арендт Х. Что такое авторитет? // Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

Кастэ С.И. Центры и иерархии. Пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М.: Московская школа политических исследований, 2008.

Обичкина Е.О. Социально-политический кризис во Франции: «жёлтые жилеты» и завершение «первой фазы» правления Э. Макрона // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 2(65). С. 101-135.

Фуко М. Рождение биополитики. Наука, 2010.

Хардт М., Негри А. Империя. М.: Практикс, 2004. 440 с.

Agamben, G. Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life. Stanford University Press, 1998.

Bevir, M.; Kedar, A. Concept Formation in Political Science: an Anti-Naturalist Critique of Qualitative Methodology // *Perspectives on Politics*, 2008, No.6, pp. 503-517.

Börzel, T.A.; Risse, Th.; Draude, A. The Oxford Handbook of Governance and Limited Statehood. Oxford University Press, 2018.

Castells, M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet age. John Wiley & Sons, 2015.

Eisenstadt, Sh. Multiple Modernities // *Daedalus*, 2000, No.129.1, pp. 1-29.

Fukuyama F. Identity: The demand for dignity and the politics of resentment. Farrar, Straus and Giroux, 2018.

Gerring, J. Social Science Methodology: A Critical Framework. New York: Cambridge University Press, 2001.

Gill, S. European governance and new constitutionalism: Economic and monetary union and alternatives to disciplinary neoliberalism in Europe // *New Political Economy*. 1998. No. 3(1). P. 5-26. doi:10.1080/13563469808406330

Gill, S. Globalisation, market civilisation, and disciplinary neoliberalism // *Millennium – Journal of International Studies*. 1995. No. 24(3). P. 399-423. doi:10.1177/03058298950240030801

Gill, S. Transnational class formations, European crisis and the silent revolution // *Critical Sociology*. 2017. No. 43(4-5). P. 635-651. doi:10.1177/0896920516656920

Goertz, G. Social Science Concepts: A User's Guide. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006.

Habermas, J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. John Wiley & Sons, 2015.

Habermas, J. The Theory of Communicative Action: Lifeworld and Systems, a Critique of Functionalist Reason. Vol. 2. John Wiley & Sons, 2015.

Mann, M. The Sources of Social Power: the Rise of Classes and Nation-States, 1760-1914. Vol. 2. Cambridge University Press, 2012.

Michaud, J. Zomia and beyond // *Journal of Global History*, 2010, No. 5.2, pp. 187-214.

Neumann, I.B. Russia as a Great Power, 1815-2007 // *Journal of International Relations and Development*, 2008, No. 2, pp. 128-151.

Neumann, I.B.; Sending, O.J. Governing the Global Polity: Practice, Mentality, Rationality. University of Michigan Press, 2010.

Neumann, I.B.; Wigen, E. The Steppe Tradition in International Relations: Russians, Turks and European State Building 4000 BCE–2017 CE. Cambridge University Press, 2018.

Risse, Th. Governance without a State?: Policies and Politics in Areas of Limited Statehood. Columbia University Press, 2011.

Scott, J.C. Against the Grain: a Deep History of the Earliest States. Yale University Press, 2017.

Scott, J.C. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. Yale university press, 1990.

Scott, J.C. The Art of not being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. Nus Press, 2010.

Stiglitz, J.E. The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future. WW Norton & Company, 2012.

Van Schendel, W. Geographies of Knowing, Geographies of Ignorance: Jumping Scale in Southeast Asia // *Environment and Planning D: Society and Space*, 2002, No. 20.6, pp. 647-668.

References:

- Agamben, G.* Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life. Stanford University Press, 1998.
- Arendt, H.* Chto takoye avtoritet? (What Is Authority?) / Between Past and Future. Eight Exercises in Political Thought. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2014.
- Bevir, M.; Kedar, A.* Concept Formation in Political Science: an Anti-Naturalist Critique of Qualitative Methodology // *Perspectives on Politics*, 2008, No.6, pp. 503-517.
- Börzel, T.A.; Risse, Th.; Draude, A.* The Oxford Handbook of Governance and Limited Statehood. Oxford University Press, 2018.
- Castells, M.* Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet age. John Wiley & Sons, 2015.
- Eisenstadt, Sh.* Multiple Modernities // *Daedalus*, 2000, No.129.1, pp. 1-29.
- Foucault, M.* Rozhdeniye biopolitiki (Birth of Biopolitics). Moscow: Science Publ., 2010.
- Fukuyama F.* Identity: The demand for dignity and the politics of resentment. Farrar, Straus and Giroux, 2018.
- Gerring, J.* Social Science Methodology: A Criterial Framework. New York: Cambridge University Press, 2001.
- Gill, S.* European governance and new constitutionalism: Economic and monetary union and alternatives to disciplinary neoliberalism in Europe // *New Political Economy*. 1998. No. 3(1). P. 5-26. doi:10.1080/13563469808406330
- Gill, S.* Globalisation, market civilisation, and disciplinary neoliberalism / Millennium – Journal of International Studies. 1995. No. 24(3). P. 399-423. doi:10.1177/03058298950240030801
- Gill, S.* Transnational class formations, European crisis and the silent revolution // *Critical Sociology*. 2017. No. 43(4-5). P. 635-651. doi:10.1177/0896920516656920
- Goertz, G.* Social Science Concepts: A User's Guide. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006.
- Habermas, J.* Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. John Wiley & Sons, 2015.
- Habermas, J.* The Theory of Communicative Action: Lifeworld and Systems, a Critique of Functionalist Reason. Vol. 2. John Wiley & Sons, 2015.
- Hardt, M.; Negri, A.* Imperiya (Empire). Moscow: Praxis, 2004. 440 p.
- Kaspe, S.I.* Tsenry i iyerarkhii. Prostranstvennyye metafory vlasti i zapadnaya politicheskaya forma (Centers and Hierarchies. Spatial Metaphors of Power and the Western Political Form). Moscow: Moscow School of Political Studies, 2008.
- Mann, M.* The Sources of Social Power: the Rise of Classes and Nation-States, 1760-1914. Vol. 2. Cambridge University Press, 2012.
- Michaud, J.* Zomia and beyond // *Journal of Global History*, 2010, No. 5.2, pp. 187-214.
- Neumann, I.B.* Russia as a Great Power, 1815-2007 // *Journal of International Relations and Development*, 2008, No. 2, pp. 128-151.
- Neumann, I.B.; Sending, O.J.* Governing the Global Polity: Practice, Mentality, Rationality. University of Michigan Press, 2010.
- Neumann, I.B.; Wigen, E.* The Steppe Tradition in International Relations: Russians, Turks and European State Building 4000 BCE–2017 CE. Cambridge University Press, 2018.
- Obichkina, E.O.* Cotsial'no-politicheskiy krizis vo Frantsii: «zholtyye zhilye» i zaversheniye «pervoy fazy» pravleniya E. Makrona (Socio-Political Crisis in France: "Yellow Vests" and the Completion of the "First Phase" of the Reign of E. Macron) // *MGIMO Review of International Relations*, 2019, No. 2 (65), pp. 101-135.
- Risse, Th.* Governance without a State?: Policies and Politics in Areas of Limited Statehood. Columbia University Press, 2011.
- Scott, J.C.* Against the Grain: a Deep History of the Earliest States. Yale University Press, 2017.
- Scott, J.C.* Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. Yale university press, 1990.
- Scott, J.C.* The Art of not being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. Nus Press, 2010.
- Stiglitz, J.E.* The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future. WW Norton & Company, 2012.
- Van Schendel, W.* Geographies of Knowing, Geographies of Ignorance: Jumping Scale in Southeast Asia // *Environment and Planning D: Society and Space*, 2002, No. 20.6, pp. 647-668.

“ZOMIA” AS A MODEL OF NON-WESTERN POLITICAL RESISTANCE

Maxim V. Kharkevich

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Declared:</i> 23.03.2019</p> <p><i>Received:</i> 23.10.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 01.12.2019</p>	<p>Abstract: Various forms of state power are associated with various forms of resistance. This article argues that there is not only a Western or non-Western form of state power, but also the corresponding Western and non-Western forms of political resistance. Methodologically, the article is based on a semantic-pragmatic approach to the formation of concepts. This article clarifies the concept of “non-Western political resistance.” First, the semantics of this concept is determined through a review of relevant scientific literature, namely the works of M. Foucault, M. Mann, I. Neumann and J. Habermas, and then using it studies Zomia as a case of a non-Western form of resistance. As a result of the conceptual study, the following conclusions can be made. Western forms of state power are based on governmentality or infrastructural power. Such governance methods give rise to their corresponding Western strategies of political resistance, based on the deliberative form of democracy as the closest to democracy based on communicative rationality. Non-Western forms of state power are understood as governance practices based on disciplinary or despotic power. They give rise to forms of non-Western resistance corresponding to them, which include either the desire to physically move away from state control in geographically inaccessible areas (the case of Zomia), or protest resistance up to civil wars and terrorism.</p>
<p>About the author: Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of World Politics, MGIMO University</p> <p>e-mail: m.kharkevich@inno.mgimo.ru</p>	
<p>Key words: governmentality; infrastructural authority; disciplinary authority; Southeast Asia; Russia; the West; non-West</p>	

Для цитирования: Харкевич М.В. «Зомия» как модель незападного политического сопротивления // *Сравнительная политика*. – 2019. № 4 – С. 108-119.
DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10045

For citation: Kharkevich, Maxim V. «Zomiya» kak model' nezapadnogo politicheskogo soprotivleniya (“Zomia” as a Model of Non-Western Political Resistance) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 4, pp. 108-119.
DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10045